

Пролог

Марселла

Есть то неизменное, что течет в нашей крови. От этого нельзя избавиться, нельзя изменить и утратить, но об этом можно забыть. С раннего детства у меня срабатывал защитный инстинкт, когда дело касалось опасности или человека, которому не следовало доверять. И я прислушивалась, всегда останавливалась, чтобы заглянуть глубоко в себя, подключить интуицию и перепроверить, прежде чем продолжить действовать.

Пока не перестала прислушиваться, пока не привыкла к тому, что есть люди, заботящиеся о моей безопасности, и пока не стала доверять их решению больше, чем собственному. Я вручила свою жизнь в руки специально обученных телохранителей, *мужчин*, способных защитить меня лучше, чем я сама — всего лишь маленькая девочка, а впоследствии женщина. Если бы я прислушалась к шестому чувству, обратила внимание на пробегающие мурашки по телу в ту первую встречу и позже, когда меня похитили, то

была бы в безопасности. Но я научилась игнорировать свой внутренний голос, инстинкт, унаследованный от отца, потому что не должна была замечать опасности нашей жизни.

Маленькие дети быстро понимают, что, пряча глаза от беды, ты не защитишь себя от нее. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы усвоить этот урок.

Мэддокс

С самого первого момента, как я увидел Белоснежку, она врзалась в мою память. Каждую чертову ночь образ ее обнаженного тела мучил меня и основательно сводил с ума.

Порой я просыпался, чувствуя ее вкус на языке, и был почти убежден, что и впрямь зарылся языком в ее, несомненно, красивую киску. Черт, я еще не видел ни сантиметра этого легендарного тела и уж тем более не прикасался к нему. Но я обязательно сделаю это, даже если для этого придется надкусить отравленное яблоко.

Такого парня, как я, никогда бы не подпустили к Белоснежке. Я отнюдь не был гребанным неудачником. Я собирался стать президентом мотоклуба «Тартар», следуя по стопам моего дяди — нынешнего президента. Но в глазах Белоснежки и ее чертова отца, Луки Витиелло — главы итальянской мафии всего Восточного по-

бережья, этот факт делал меня самым низшим отбросом на земле. Я был маленьким мальчиком, которому едва исполнилось пять лет, когда у меня отобрали привычную жизнь. Как сын президента отделения мотоклуба «Тартар» в Нью-Джерси, уже с юного возраста я видел много неприятных вещей. Как братья по клубу среди бела дня трахались со шлюхами посреди клуба, устраивали жестокие драки и перестрелки... но ничто из этого не оставило такого следа, как та ночь, когда глава нью-йоркской мафиозной Семьи зверски убил моего отца и его людей.

Этот ублюдок в одиночку уничтожил целое отделение нашего клуба.

Зачеркните это.

Не один, а с помощью чертова топора и ножа для сдирания шкуры. С тех пор крики моей умирающей клубной семьи преследовали меня по ночам, как эхо воспоминаний, от которых я не мог избавиться, пока не выпивал количество алкоголя, способное убить слона. Эти образы разжигали мою жажду мести.

Мести, которую я осуществляю при помощи избалованной принцессы Нью-Йорка — Марселлы Витиелло.

Глава 1

Мэддокс

Мэддоксу пять лет

Я сидел на полу мотоклуба и крутил пустую бутылку из-под пива, от которого мои ладошки были липкими. Когда я поднес пальцы ко рту, чтобылизнуть их из любопытства, то скривился. Горький, гнилой вкус распространился по языку, прилип к деснам и горлу. Я сплюнул, но неприятный привкус так и не исчез.

Комната была заполнена дымом от сигар и сигарет, отчего нос немного чесался, а сопли иной раз становились темными.

Я продолжал крутить бутылку, потому что больше играть было не с чем. Все мои игрушки остались у мамы, но вчера папа забрал меня от нее, и они снова накричали друг на друга, как и всегда. Папа дал маме пощечину, оставив на ее щеке красный след, и с тех пор был не в духе. Я всегда держался от него подальше, когда у него было такое настроение. И сейчас он орал на кого-то в трубку.

Поп, его правая рука, обычно играл со мной, но в этот момент он сидел у барной стойки и целовался с какой-то блондинкой. Другие байкеры сидели за столом и играли в карты. На самом деле они не хотели, чтобы я им надоедал. Когда я спросил, можно ли понаблюдать за их игрой, один из них толкнул меня так, что я свалился на задницу. Копчик до сих пор болел в том месте, на которое я приземлился.

Раздались громкие шаги. Дверь мотоклуба распахнулась, и один из проспектов*, спотыкаясь, вбежал с широко раскрытыми глазами.

— Черный лимузин.

Все резко вскочили, будто эти слова были секретным кодом. Я повернулся к отцу, который раздавал приказы так громко, что брызгал слюной. Я не понимал, что такого плохого в черной машине. Раздался крик, сначала пронзительный, а затем хриплый. Я снова посмотрел на дверь и увидел, как проспект рухнул вперед с топором в затылке, раскалывающим его, как спелый арбуз. Мои глаза округлились, бутылка выпала из рук. Кровь проспекта забрызгала все вокруг, когда вытащили топор. Он оставил в черепе настолько глубокую рану, что виднелись мозги. «Точь-в-точь как арбуз», — снова подумал я.

Отец подбежал ко мне и схватил за руку железной хваткой.

— Спрячься под диваном и не выходи! Ты меня понял?

— Да, сэр.

* Prospect (англ.) — человек, желающий вступить в ряды членов мотоклуба, кандидат.

Он толкнул меня к старому серому дивану, я упал на колени и заполз под него. У меня заняло немало времени, чтобы залезть под сиденье, где я едва помещался, но все же мне удалось лечь на живот, лицом к входной двери и комнате.

Крупный мужчина с безумными глазами ворвался внутрь с ножом и топором в руках. Я затаил дыхание, когда он зашел, рыча, как разъяренный медведь. Он с силой ударил ножом папиного казначея, который потянулся за пистолетом. Слишком поздно потянулся. Казначей упал прямо перед диваном, уставившись на меня вытаращенными глазами. Под его головой начала натекает лужа крови.

Я отполз чуть назад, но резко замер, испугавшись, что мои ноги выглянут из-под дивана. Крики становились все громче и громче, и я закрыл уши руками. Но не смог отвести взгляда от происходящего вокруг. Безумец схватил нож и кинул его в Попа. Лезвие попало ему точно в грудь, и Поп завалился назад так, будто перебрал с алкоголем. Отец ринулся за барную стойку вместе с двумя кандидатами. Я хотел спрятаться там вместе с ним, хотел, чтобы отец утешил меня, даже если прежде он никогда этого не делал. Безумец выстрелил в руку другому члену мотоклуба, когда тот потянулся за брошенным пистолетом. Каждый раз я вздрагивал от раздававшихся выстрелов, которые слышал, даже закрыв уши.

Плохой дядя продолжал стрелять по бару, но со временем все утихло. Неужели у папы и проспектов закончились боеприпасы? Мои глаза метнулись в сторону оружейной в конце ко-

ридора. Один из кандидатов выскочил из-за барной стойки, но мужчина погнался за ним и с размаху бросил топор ему в спину. Зажмурившись, я сделал несколько судорожных вдохов, прежде чем снова осмелился открыть глаза. Кровь казначея медленно подтекала ближе ко мне и начала пропитывать рукава кофты, но на этот раз я не рискнул пошевелиться. Даже когда она испачкала всю одежду и покрыла мои маленькие пальцы. На помощь пришли еще двое папиных людей. Но безумец был похож на разъяренного медведя. Я лежал неподвижно, слушая крики мучительной боли, страданий и ярости, и смотрел, как мертвые тела одно за другим падают на пол. Лужи крови были повсюду.

Отец закричал, когда безумец вытащил его из-за барной стойки. Я дернулся вперед, желая помочь ему, но его глаза заметили мое движение, приказывая оставаться на месте. Плохой дядя проследил за взглядом отца. Его лицо было как у монстра: покрытое кровью и искаженное от ярости. Я пригнул голову, боясь, что меня заметят. Однако безумец продолжил тащить папу к стулу.

Я знал, что не стоит нарушать приказы отца, поэтому оставался неподвижным, как мне казалось, целую вечность, хотя, скорее всего, прошло несколько минут. Плохой дядя начал наносить удары отцу и кандидату, который был все еще жив. Я больше не мог смотреть на это и крепко зажмурил глаза, отчего в висках начало пульсировать. Я прижал руки ко лбу. Грудь и ладони были теплыми от крови, а штаны от того, что я в них помочился. Все провоняло мочой и кро-

вью. Я задержал дыхание, но в груди больно сдавило, поэтому пришлось сделать глубокий вдох. Я начал считать секунды, думая о мороженом, жареном беконе и фирменном лаймовом пироге мамы, но крики были слишком громкими. Они вытесняли все хорошие воспоминания.

Наконец вокруг воцарилась тишина, и я осмелился поднять голову. Глаза наполнялись слезами, пока я оглядывался вокруг. Повсюду были куски плоти и лужи крови. Меня затрясло и вырвало, от желчи в горле начало саднить, а потом я замер, боясь, что плохой дядя где-то поблизости и собирается убить меня. Я не хотел умирать. Я начал плакать, но быстро вытер слезы. Отец ненавидел слезы. Какое-то время я прислушивался к биению собственного сердца, которое звенело у меня в ушах и вибрировало в костях, пока не успокоился и мое зрение не прояснилось.

Я огляделся вокруг в поисках безумца, но его нигде не было. Входная дверь оказалась открыта, и все же я долго ждал, прежде чем наконец выполз из-под дивана. Моя одежда была испачкана кровью и пропахла мочой, я жутко проголодался и хотел пить, но не ушел. Я стоял среди разорванных на части людей, которых знал всю свою жизнь, людей, которые больше походили на нормальную семью, чем та, что у меня была. Я почти никого из них не узнал. Их тела были изуродованы.

С отцом обошлись хуже всего. Его лицо было изуродовано. Только благодаря тату на его шее с изображением черепа, извергающего огонь, я понял, что это папа. Я хотел попрощаться с ним,

но не решился подойти ближе к тому, что осталось от него. Он выглядел пугающе. В конце концов я выбежал на улицу и бежал без остановки, пока не добрался до дома знакомой старушки, жены казначея. Прежде я навещал ее всего несколько раз, и она пекла для меня печенье. Когда она увидела меня всего в крови, то сразу поняла, что случилось нечто ужасное.

— Они мертвы, — прошептала я. — Все мертвы.

Старушка попыталась дозвониться до своего старика, потом до моего отца и других членов мотоклуба, но никто не ответил. В итоге она позвонила моей маме, чтобы та меня забрала, а после помыла, пока я ждал, когда за мной приедут.

Когда мама приехала, она была бледна как полотно.

— Идем, нам нужно уходить.

Она взяла меня за руку.

— А как же папа?

— Мы ничего больше не можем сделать для него. Нам опасно оставаться в Нью-Йорке. Мы должны уехать, Мэддокс, и мы никогда не сможем вернуться сюда. — Мама потащила меня к нашему старому Форду Мустанг и усадила на пассажирское сиденье. Машина была вся забита сумками так, что я не мог ничего увидеть в окне заднего вида.

— Мы уезжаем? — озадаченно спросил я.

Мама вставила ключ в замок зажигания:

— Ты не расслышал? Мы должны уехать навсегда. Эта территория больше не принадлежит «Тартару». Теперь мы будем жить с твоим дядей в Техасе. Там будет твой новый дом.

Моя мама сразу позвонила дяде Эрлу с просьбой о помощи. У нее не осталось денег, которые отец всегда ей давал, хотя они вечно ругались и больше не жили вместе. Эрл согласился приютить нас. Так мы и переехали в Техас. В итоге мама стала старушкой Эрла, и у них родился мой брат Грей.

Техас стал моим временным домом, сердце всегда требовало вернуться туда, где я родился, чтобы отстоять то, что принадлежало мне по праву, и отомстить.

Много лет я не возвращался в Нью-Джерси, но когда наконец сделал это, то лишь с одной целью, — чтобы убить Луку Витиелло.

Марселла

Марселле пять лет

Я сидела на краю кровати, болтая ногами, и не сводила глаз с двери, ожидая, когда она откроется. Уже было семь часов утра. Мама всегда будила меня в это время. Стрелки часов подкрадывались к 7:01, и я начала слезать с кровати. Почему именно сегодня мама опаздывает?

Я не могла больше ждать.

Дверная ручка дернулась, и я замерла, усевшись обратно на матрас и наблюдая, как мама заглядывает внутрь. Увидев меня, она засмеялась, и ее лицо засияло:

— И давно ты не спишь?

Я пожалала плечами и спрыгнула с кровати.

Мама шагнула мне навстречу и крепко обняла.

— С днем рождения, дорогая.

Я начала извиваться, отчаянно желая спуститься на нижний этаж. Выскользнув из ее объятий, я спросила:

— Теперь мы можем пойти вниз? Там уже праздник?

Мама снова рассмеялась.

— Еще нет, Марси. Праздник будет позже. Пока дома только мы. А теперь идем, взглянем на твои подарки.

После недолгого момента разочарования я взяла маму за руку и последовала за ней вниз. Я надела любимую розовую пижаму с оборками, в которой чувствовала себя настоящей принцессой. Когда мы спустились по лестнице, папа уже ждал нас в холле. И, не успевшая шагнуть на последнюю ступеньку, как папа поднял меня и поцеловал в щеку.

— С днем рождения, принцесса.

Он подбрисил меня и понес в гостиную, которая была украшена композицией из розовых и бежевых воздушных шаров в виде арки со словами «С днем рождения», а на столе, рядом с огромным тортом в виде единорога, лежала золотая корона. Другой стол был завален подарками, заверну-

тыми в розовую и золотую упаковочную бумагу. Я бросилась к нему.

— С днем рождения! — крикнул Амо, продолжая наматывать круги вокруг стола, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Это подарки от нас с папой, а еще от твоих тетя и дядя, — сказала мама, но я слушала ее лишь краем уха, нетерпеливо разворачивая упаковки.

Мне подарили почти все, что я просила. Почти. Папа погладил меня по голове.

— Ты получишь больше подарков во время празднования.

Я кивнула и улыбнулась.

— Сегодня я буду принцессой.

— Ты и так принцесса.

Мама одарила папу взглядом, который я не смогла понять.

Спустя несколько часов дом был полон друзей, членов семьи и людей, которые работали на папу. Все они пришли, чтобы отпраздновать день рождения со мной. Я надела платье принцессы и корону. Мне нравилось, что все дарили мне подарки, поздравляли и пели песню «С днем рождения». Башня из подарков была в три раза выше меня. Уже ночью, когда мои глаза слипались от усталости, папа отнес меня в мою комнату.

— Нам нужно переодеть тебя в пижаму, — прошептал он, укладывая меня в постель.

Я обняла его за шею и решительно покачала головой.

— Нет, я хочу остаться в платье принцессы. И в короне, — добавила я, зевнув.

Папа усмехнулся.

— Ты можешь спать в платье, но в короне будет неудобно. — Он бережно снял ее с меня и положил на прикроватный столик.

— Я все равно принцесса, даже без короны?

— Ты всегда будешь моей принцессой, Марси.

Я улыбнулась.

— Обнимешь меня, чтобы я заснула?

Папа кивнул и неуклюже растянулся рядом со мной, его ноги свисали с кровати, которая была для него слишком маленькой. Он обнял меня, и я прижалась щекой к его груди, закрыв глаза. Мой папа был лучшим папой на свете.

— Пап, я люблю тебя. И никогда не брошу. Я всегда буду жить с тобой и мамой.

Папа поцеловал меня в висок.

— И я тебя люблю, принцесса.

Глава 2

Марселла

Легкое покачивание гамака убаюкивало меня, пока я наблюдала за плеском пенных волн у причала и пляжа. В солнечные дни гамак был моим любимым местом в нашем особняке в Хэмптоне. С начала июня выдалось много жарких, солнечных деньков, но у меня не было свободного времени, чтобы насладиться ими.

Выдохнув, я пошевелила пальцами ног. Последние несколько дней сильно вымотали меня, поэтому пара дней отдыха были просто необходимы. На организацию моего девятнадцатого дня рождения ушли недели подготовки. Нужно было продегустировать торт и все меню, выбрать одежду, составить список гостей и сделать еще кучу всего. Даже организатор мероприятия почти не смог сократить мой объем работы. Все должно было быть безупречно. Мой день рождения всегда считался одним из важнейших светских мероприятий года.

После грандиозной вечеринки два дня тому назад, мама взяла меня и двух моих младших